

Образы аборигенов Тобольского Севера в официальных и научно-популярных изданиях последней трети XIX в.

М. Ф. Ершов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящем исследовании рассмотрены особенности формирования этнических образов коренного населения Тобольского Севера в официальных периодических изданиях и популярной литературе последней трети XIX в.

Цель: выявить особенности генезиса этнических образов и составляющих их элементов, получивших распространение в официальных и научно-популярных текстах.

Материалы исследования состоят из «Обзоров Тобольской губернии», этнографических сборников «Народы России» и ряда мемуаров.

Результаты и научная новизна. Посредством контент-анализа осуществлена систематизация оценочных суждений. Полученные результаты свидетельствуют, что структура этнических стереотипов характеризовалась определённой заданностью. Описания условий жизни коренных народов подгонялись под культурные трафаретные схемы. С одной стороны, использование этого почти не осознаваемого приёма позволяло упорядочить новую, пока ещё непривычную информацию, с другой – создавало своеобразный фильтр, препятствующий углублённому пониманию специфики жизни и быта коренных малочисленных народов Севера. Новизна работы заключается в соотношении этнографических сведений о народах Севера с цивилизационными моделями, господствующими в общественном сознании наблюдателей в последней трети XIX в.

Ключевые слова: абориген, время, культура, наблюдатель, «Народы России», «Обзор Тобольской губернии», этнический образ, этнический стереотип

Для цитирования: Образы аборигенов Тобольского Севера в официальных и научно-популярных изданиях последней трети XIX в. // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 134–141.

Images of aborigines of the Tobolsk North in official and popular science publications of the last third of the XIX century

M. F. Ershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the study considers the features of the formation of ethnic images of the indigenous population of the Tobolsk North in official periodicals and popular literature of the last third of the XIX century.

Objective: to characterize the genesis of ethnic images and their constituent elements that have become widespread in official and popular science texts.

Research materials: “Reviews of the Tobolsk Guberny”, ethnographic collections “Peoples of Russia” and a number of memoirs.

Results and novelty of the research: by means of content analysis systematization of value judgments was carried out. The results obtained indicate that the structure of ethnic stereotypes was characterized by a certain predetermined nature. Descriptions of the living conditions of indigenous peoples were fitted to cultural stereotypes. On the one hand, the use of this almost unconscious technique made it possible to streamline new, as yet unfamiliar information, on the other hand, it also created a kind of filter that prevented a deeper understanding of the specifics of life of the small indigenous peoples of the North. The novelty of the work lies in the correlation of ethnographic information about the peoples of the North with civilizational models that dominated in the public consciousness of observers in the last third of the XIX century.

Key words: aborigine, time, culture, observer, “Peoples of Russia”, “Review of the Tobolsk Guberny”, ethnic image, ethnic stereotype

For citation: Images of aborigines of the Tobolsk North in official and popular science publications of the last third of the XIX century // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (1): 134–141.

Введение

На основе образов аборигенов складывалось общепринятое в официальной культуре мнение о специфике этнических характеров и положении коренных малочисленных народов. Информация, с ними связанная, стала обоснованием тех воззрений, которые обуславливали принятие управленческих решений чиновниками и формирование оценочных суждений в широких кругах образованной публики. Они во многом и до сих пор определяют обыденные представления о межэтнических контактах и связанных с ними проблемах.

Исследование предполагает решение следующих задач:

– выявление того, на каких историко-культурных основаниях происходили контакты наблюдателей с жизнью аборигенов Севера;

– описание этнических констант, которыми оперировали наблюдатели, воссоздавая в своих текстах основные черты этнического характера аборигенов;

– оценка социокультурных последствий, которые возникли в результате формирования этнических стереотипов об аборигенах Севера.

Настоящая работа написана в русле новых подходов, сформировавшихся при изучении этнических стереотипов. Начиная с фундаментального историко-этнографического исследования Э. В. Саида [22], в гуманитарных дисциплинах расширяется тематика трудов по анализу восприятия образа «Другого» в сфере управления [7] и межэтнических контактов, в том числе и применительно к жизни народов Севера. Так, например, подвергнуты рассмотрению этнические стереотипы в художественной литературе, в живописи [1]. В ряде публикаций, разрабатываются аспекты эволюции представлений путешественников об аборигенах [4; 5; 15].

За последнее время инструментарий исследования этнических образов многократно расширился. В теоретических аспектах работа базируется на концепциях исследователей, связанных с проблемами этнической психологии и этнических стереотипов. К их числу относятся фундаментальные труды А. А. Налчаджяна и Т. Г. Стефаненко об этнопсихологии [16; 8], разработка метода стереотипизации, как явления культуры, предложенная У. Липпманом [20], и теория этноцентризма У. Самнера [24]. Этнические стереотипы рассматривают и такие исследователи, как Т. Г. Стефаненко и А. С. Купавская [23]. Ещё одна проблема заключается в исследовании языка

описаний. Анализ вербализации этнических стереотипов [2] не является исключительно лингвистической проблемой.

Обширность историографического массива не отменяет существования ряда теоретических затруднений. В частности, не вполне ясна мотивация наблюдателей при конструировании этнических стереотипов. Культурный багаж, с которым они оказывались на Севере, в значительной мере определял и их восприятие пока еще непривычных этнических реалий. Игнорирование этого обстоятельства чревато ошибочными выводами. Поэтому, новизна настоящего исследования заключается в частичном акцентировании внимания на феномены общественного сознания, которые участвовали в формировании этнических образов и этнических стереотипов.

Материалы и методы

В центре данного исследования образы аборигенов Тобольского Севера последней трети XIX в., представленные в «Обзорах Тобольской губернии» и популярных этнографических сборниках [9; 10; 11; 12; 13; 14; 17]. Эти «Обзоры Тобольской губернии», сведения из этнографических сборников «Народы России» и выдержки из мемуарной литературы дают взаимное переплетение казённого официоза и научно-популярных материалов. Такой своеобразный исторически и культурно обусловленный дискурс, разделялся большинством респондентов того времени, что вызывает потребность в применении междисциплинарных подходов.

Используемые наблюдателями оценки и суждения дают историкам и этнографам возможность выявления того социокультурного контекста, который был характерен для представителей официальной культуры. При работе с источниками использованы методы восхождения от абстрактного к конкретному, стереотипизации, исследования темпоральных представлений и контент-анализа.

Результаты

Период реформ, начавшийся с ликвидации крепостного права, оказался временем ускоренной модернизации страны. В российском обществе возник и быстро распространился интерес к периферии империи. Дефицит достоверной информации осложнялся наличием известных культурных ограничений, стереотипов, осложнявших восприятие Севера европейски образованными наблюдателями. Субъективные факторы накладывались на объективные реалии, такие, как

суровый климат Тобольского Севера и его малолюдность, большие расстояния и отсутствие привычного комфорта. Соответственно, большинство сведений об аборигенах не отличалось аутентичностью.

Так, в «Обзоре Тобольской губернии» за 1869 г. была зафиксирована приблизительность составления статистических данных: «Весьма много инородцев северного края губернии уже по самому характеру своего быта, при постоянном передвижении с одного места на другое, при беспрестанных перекочёвках целыми ватагами, часто не входят в общий счёт при исчислении инородческого населения. Сама операция эта представляет доселе неодолимые трудности на таком огромном и пустынном протяжении сурового по климату севера губернии, без дорог, без средств, почти без людей, которые бы достаточно были знакомы с наречиями, бытом, нравами и обычаями этих разноплеменных детей неприветливой северной природы» [12, 14].

Далее «Обзор» объяснял причины неразвитости скотоводства на Севере: «Причины такого явления заключаются не только в климатических и территориальных условиях севера губернии, холодного, безлесного, покрытого на огромные пространства болотами и тундрами, исключаяющими всякую возможность самых посредственных пастбищ, но и в малонаселённости его оседлыми жителями. Кочующие и бродячие племена инородцев, составляющих главнейший элемент населения этого края, – как по образу жизни, так и крайней неразвитости своей в умственном отношении, не могут заниматься отраслями скотоводства, свойственным средней полосе губернии <...>».

Но богатая и мудрая природа беспристрастно раздаёт дары свои, не забывая и диких обитателей дальнего севера. Если в снегах и тундрах губернии не могут существовать домашние животные, составляющие столь важные статьи хозяйства жителей южных округов, то для северных инородцев олень составляет всё: и питательную и вкусную пищу, и тёплую одежду, и хоть незатейливое, но удобное для неприветливого дикаря жилище и лучшее по характеру местности – средство для его передвижения и перевозки незначительных тяжестей из небольшого первобытного хозяйства дикаря, не требуя за это особенно многосмысленного ухода за собою, даже находя сам и пищу себе в мхах тундры и из под слоя снега» [12, 56–57].

В «Обзоре» за 1870 г. отмечены следующие географические особенности Тобольской губернии: «Две трети её расположения от Ледовитого океана почти до 59° сев. шир., наполненные тундрами и болотами, большею частью занимающими сплошные огромные протяжения, ничем не защищённые от северных и северо-восточных холодных ветров, представляет обширное поле для действий этих губительных постоянно действующих причин» [13, 1]. Следом объяснялись причины незначительной добычи рыбы: «Северные инородцы по неразвитости своей и крайней бедности промышляют рыбу в самых незначительных размерах, единственно для собственного пропитания и для уплаты долгов в казну, за взятую из казённых запасных магазинов северного края муку и для расчёта с русскими рыбопромышленниками, у которых они также покупают муку и разные изделия, необходимые для неприветливого хозяйства, – большею частью в долг» [13, 10–11].

Налицо определённая логика. Суровая природа – бедность ресурсов – большие расстояния – малолюдность территории – все эти негативные и, одновременно, объективные обстоятельства далее, вне учёта культурной специфики, переносились на аборигенов, которые представляли неразвитыми, дикими, малоспособными к прогрессу, бедными и ленивыми. Таким образом, происходила генерализация стереотипных суждений, которым придавались гипертрофированные масштабы. У образованных лиц, описывающих коренные народы Севера, значимыми были социальные нормы и реалии, основанные на дисциплинарных практиках, связанных с идеей прогресса – для них время есть точные даты, исполненные обязательства и достижения и даже уровень материального комфорта. Однако для аборигенного населения Севера Сибири темпоральные приоритеты были совсем иные. Здесь присутствовали незримая «связь времён», устойчивость и повторяемость знаковых событий, от мифических до современных, отчуждение от «русских» культурных норм и практик.

Различия в понимании исторического и социального времени вели к негативным суждениям. Такое отношение нередко достигало экзистенциальных высот. Не случайна реплика успешного предпринимателя из ссыльных в г. Берёзове Арона Ароновича. Он заявил в разговоре с О. Финшем: «Как мы тут живем? Как живые погребены» [18, 329].

Краевед Г. М. Дмитриев-Садовников в 1913 г. зафиксировал немалые трудности с положением медицины в с. Ларьяк: «Настоящий фельдшер полтора года тому назад подал прошение о временном отпуске, но несмотря на то, что он уже более десяти лет не пользовался отпуском, ему даже не отвечают и по настоящее время. Положение, мало чем отличающееся от положения заживо погребённого» [3, 157]. Образные высказывания о жизни в могиле и об одиночестве постоянно звучали и применительно к бедственному положению интеллигентов, педагогов, живших на северных территориях. Негативное восприятие суровой природы и этнических, культурных чужаков предполагало, затем, что нахождение здесь было тождественно существованию за границей и привычного мира, и привычного времени. Считалось,

что аборигены находились «вне цивилизации» [4].

Однако, эти априорные суждения постепенно всё менее соответствовали запросам и ожиданиям реформируемого общества. Им не доставало конкретики. Благодаря общественным запросам, усиливалось их наполнение новой информацией, пока ещё при сохранении большинства прежних умозрительных схем. Популяризация этой информации в печатных изданиях вела к тому, что она становилась общепринятой у образованной публики. Образы, созданные усилиями одиночек, при тиражировании быстро становились массовыми и приобретали качества этнических стереотипов. В таблице 1, при помощи контент-анализа, предложена структура этнических стереотипов об особенностях характера аборигенов:

Таблица 1

Структура этнических стереотипов о народах Тобольского Севера последней трети XIX в.¹

Ценностные элементы	Культурно-исторические элементы
<p style="text-align: center;">Добродетельность:</p> <ul style="list-style-type: none"> – честность; – добродушие; – сострадание; – скромность; – молчаливость; – взаимопомощь; – услужливость; – гостеприимство; – мирные и спокойные; – весёлость и живой характер; – забота о больных; – отсутствие преступности; – привязанность к оленям и собакам; – сохранение героических преданий; – стремление к выплате ясака. 	<p style="text-align: center;">Цивилизованность:</p> <ul style="list-style-type: none"> – крайняя бедность большинства аборигенов; – они жертвы эксплуатации со стороны предпринимателей; – постепенный переход к промысловой, на продажу, добыче зверя и ловле рыбы; – постепенный переход от меновой торговли к денежному обращению; – исчезновение бывших у них беспокойности и мятежности; – ассимиляция; – христианизация.
<p style="text-align: center;">Порочность:</p> <ul style="list-style-type: none"> – лень, беспечность и отвращение к производительному труду; – грубость и побои по отношению к женщинам; – пьянство; – страстность; – жестокость; – упрямство; – боязливость; – хитрость; – слабость. 	<p style="text-align: center;">Дикость:</p> <ul style="list-style-type: none"> – кочевой и бродячий образ жизни; – неприхотливость; – неопрятность; – интеллектуальная неразвитость; – невежественность; – малая восприимчивость к прогрессу; – недоверчивость, скрытность; – скрытое и латентное язычество; – «вид пасмурный, смотрят исподлобья»; – послушание к родителям, «но не по долгу, а из страха».

¹ Таблица составлена на основании материалов [9; 10; 11; 12; 13, 14; 17].

Данная схема, при всей её условности и умозрительности, даёт возможности для анализа процессов формирования этнических характеристик. На начальном этапе исследований для наблюдателей жизнь коренных народов представляла «картинками мира» (У. Липпман) в голове человека, которые, с одной стороны, помогали ориентироваться в сложных социальных явлениях, но, с другой, консервировали личные ценности и позиции [20]. При системном рассмотрении предикатов, имеющих в этой таблице, выявляются компоненты описательного подхода (образ жизни и хозяйственные занятия), нормативных признаков (грубость, неприхотливость, пьянство, забота о больных, страстность) и даже патерналистской метафоры («вид пасмурный, смотрят исподлобья»; послушание к родителям, «но не по долгу, а из страха»), которая претендовала на широкие метафизические обобщения.

Эволюция метафоры в этнические стереотипы, реализовалась, по мнению Е. А. Дамман, через этапы: «Посредством нормативных признаков метафора оценивает человека, представляя его индивидуальный образ. Далее некоторые из признаков личного образа формируют основу для стереотипизации» [2, 5]. Проведённое ранжирование также позволяет, с достаточной долей уверенности, предполагать существование во внутреннем мире наблюдателей ценностных и цивилизационных координат, которые пересекались между собой. Греховной, но и прогрессивной цивилизации противостояла дикость с её неопрятностью и невежеством. Пороки и противостоящие им добродетели могли располагаться в зонах и дикости, и цивилизации. Переплетение противоположных свойств – свидетельство эрозии схематичных подходов при изучении явлений культуры и быта аборигенного населения.

Стремление расширить зону актуализированного, «состоявшегося» бытия, понимаемого как цивилизация, при соотнесении новых сведений с идеальными моделями, вело к мыслительным колебаниям (дикость и цивилизация, прогресс и регресс, прошлое и современность, взрослая греховность или «детская» наивность, пороки и добродетели) в описаниях. Столкновение непривычной информации с прежними цивилизационными маркерами отнюдь не означало разрушение последних. Произошло нечто иное. При соприкосновении структур общественного сознания и структур реальности рождались их производные – этнические стереотипы. Заметим, что в теории

познания данная генерализация именуется восхождением от абстрактного к конкретному.

Обсуждение и заключение

Современный исследователь, резюмируя, путь, пройденный пионерами финно-угроведения, вполне оправдано полагает: «Развитие понималось ими как поэтапный путь к вершинам эволюции, включающий миграции, культурные заимствования, освоение людьми различных природно-климатических ареалов и т. д. Складывалась единая цепь размышлений, приводящая, казалось бы, понятной схеме, подкреплённой обширным полевым материалом – легендами и артефактами, соответствующими заданным параметрам, – что должно было стать универсальным ключом, открывающим двери в финно-угорское прошлое. Никто тогда серьёзно не задумывался об опасностях слишком широких обобщений. Преемники пионеров финно-угорских этнических исследований, критически осмысливая их достижения и ошибки, тем ни менее сохранили память о первопроездах и верности выбранного пути» [6, 150].

Эти амбивалентные оценки этносов европейской общественной мыслью провоцировали и подлинно гуманные усилия культуртрегеров, и определённую телеологичность при осознании судеб автохтонных этносов. Сведения о жизни коренных народов подгонялась под определённые схемы и трафареты. Наличие этих устойчивых клише – свидетельство присутствия в общественном сознании стереотипов о коренных народах Севера. С одной стороны, данный, почти не осознаваемый приём, позволял упорядочить новую, пока ещё непривычную информацию, с другой – он же выступал в роли информационного фильтра, который препятствовал углублённому пониманию культуры коренных народов. В итоге происходило искажение упомянутой «картинки мира» У. Липпмана и ментальная деонтологизация коренных народов.

Предварительные результаты свидетельствуют, что при формировании структуры этнических представлений об аборигенах Севера Тобольской губернии значительную роль играла ориентация на цивилизационные основания. Всё это оборачивалась мыслимым перемещением аборигенов, как объектов изучения, за границы «нормального» человеческого мира, в то запредельное пространство, где жизнь якобы близка к животному состоянию. Такой функциональный подход к

восприятию чужаков означал, что наблюдатели и сами «переходили» из мира реальных людей во власть отвлечённых конструируемых образов.

Неблагоприятная северная природа – и в этом нет сомнений – породила образ жизни аборигенов, подчинённый природному годовому циклу. Однако для наблюдателей много важнее были искусственно созданные культурные дисциплинирующие практики. Этносам, проживающим в согласии с природой, приписывали анархию, страстность и иррациональные начала, которые, якобы, не соответствовали цивилизационным нормам. Считалось, что «дикари» либо не доросли до подлинной дееспособности (возраст «детства» в культуре), либо они уже утратили возможности для принятия ответственных решений (возраст «старости»). Исследование культуры аборигенов с неизбежностью наталкивало наблюдателей на вопросы о субъективности восприятия времени. Как именно, описывается время, в котором живут аборигены, – выяснение этого вопроса и сегодня позволяет нам лучше осознать процессы конструирования этнических стереотипов. Не случайно, что в гуманитарных науках устойчиво закрепились такие определения, как «антропология времени» [21], «соци-

ологическое время», «историческое время» и «временной ландшафт» [19].

Официальные периодические издания и научно-популярная литература последней трети XIX в. указывают на то, что при генезисе этнических образов и составляющих их элементов существовал ряд особенностей. Так, медленно меняющиеся образы аборигенов в общественном сознании складывались в компоненты тех или иных описаний, становились стереотипными. Но они так и не смогли расстаться со своим прежним мифическим массивом и достичь новых соответствий отображаемым объектам. Более того, в XIX в. происходило тиражирование этнических образов, благодаря отчётам и научно-популярным изданиям. Там самым пробуждался и познавательный интерес, и последующие кризисные явления в сфере межэтнических контактов. Данные обстоятельства максимально значимы для понимания истории государственной политики и реформирования периферии, исследования генезиса и исторической эволюции этнических стереотипов. Оптимальное направление дальнейших разработок в настоящем вопросе – последовательное выявление и критика первоисточников о коренном населении Тобольского Севера.

Список источников и литературы

1. Галямов А. А. Образы обских угров в академических изданиях второй половины XVIII века: гравюры Х. Рота // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 789–797.
2. Дамман Е. А. Социокультурный аспект метафоры и вербализация этнических стереотипов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. 2019. Т. 16. № 4. С. 5–11.
3. Дмитриев-Садовников Д. М. Вёрсты и строки. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 224 с.
4. Ершов М. Ф. Вне цивилизации: восприятие аборигенов Северо-Запада Сибири в XIX – начале XX в. // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России: сб. науч. статей, Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. С. 201–210.
5. Ершов М. Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 124–130.
6. Загребин А. Е. Ууно Таарви Сирелиус и его «этнографическая вера» // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 150–166.
7. Любичанковский С. Образ Оренбургского края в отчётах его гражданских губернаторов (конец XIX – начало XX века) // Регионы Российской империи: Идентичность, репрезентация (на)значения. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 176–194.
8. Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004, 381 с.
9. Народы России. Живописный альбом. СПб.: Общественная польза, 1880. Вып. VI. 485–526 с.
10. Народы России. Этнографические очерки. Издание журнала «Природа и люди». СПб.: Общественная польза, 1878. 498 с.
11. Народы России. Этнографические очерки. Издание журнала «Природа и люди». СПб.: Общественная польза, 1880. 648 с.
12. Обзор Тобольской губернии за 1869 год. Выводы из статистических таблиц. [Б. м.]: [б. и.], 1870. 62 с.
13. Обзор Тобольской губернии за 1870 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту начальника Тобольской губернии. [Б. м.]: [б. и.], 1871. 204 с.
14. Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-Литография Имп. ун-та, 1907. 220 с.
15. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.

16. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
17. Турский Д. Остяки. М.: Тип. Общ-ва распространения полезных книг, 1898. 56 с.
18. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1882. 573 с.
19. Bear L. Time as in Technique // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45. Pp. 487–502.
20. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. 427 p.
21. Munn N. D. The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21 (1). Pp. 93–123.
22. Said Edward W. Orientalism. New York: Vintage books, 1978. XI. 368 p.
23. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 3. С. 550–564.
24. Sumner W. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn and Co., 1906. 692 p.

References

1. Galyamov A. A. *Obrazy obskikh ugrov v akademicheskikh izdaniyakh vtoroy poloviny XVIII veka: gravyury H. Rota* [Images of the Ob Ugrians in academic publications of the second half of the XVIII century: engravings by H. Roth]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 789–797. (In Russian)
2. Damman E. A. *Sotsiokulturnyy aspekt metafory i verbalizatsiya etnicheskikh stereotipov* [Sociocultural aspect of metaphor and verbalization of ethnic stereotypes]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"], 2019, no. 16 (4), pp. 5–11. (In Russian)
3. Dmitriev-Sadovnikov D. M. *Vorsty i stroki* [Versts and lines]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1998. 224 p. (In Russian)
4. Ershov M. F. *Vne tsivilizatsii: vospriyatiye aborigenov Severo-Zapada Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Beyond civilization: perception of the aborigines of the North-West of Siberia in the XIX – early XX centuries]. *Lyudi imperii – imperiya lyudey: personal'naya i institutsional'naya istoriya aziatskikh okrain Rossii: sb. nauch. statey* [People of the empire – the empire of people: personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia: collection of scientific articles]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2021. pp. 201–210. (In Russian)
5. Ershov M. F. *Sotsiokulturnyye kontakty inostrannykh puteshestvennikov na Tobol'skom Severe v XIX – nachale XX veka* [Sociocultural contacts of foreign travelers in the Tobolsk North in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2021, no. 31 (1), pp. 124–130. (In Russian)
6. Zagrebin A. E. *Uuno Taarvi Sirelius i yego "etnograficheskaya vera"* [Uuno Taarvi Sirelius and his "ethnographic faith"]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2019, no. 2, pp. 150–166. (In Russian)
7. Lyubichankovsky S. *Obraz Orenburgskogo kraya v otchetakh yego grazhdanskikh gubernatorov (konets XIX – nachalo XX veka)* [The image of the Orenburg region in the reports of its civil governors (late XIX – early XX centuries)]. *Regiony Rossiyskoy imperii: Identichnost, reprezentatsiya (na)znacheniyе: Kollektivnaya monografiya* [Regions of the Russian Empire: Identity, representation (on) meaning: Collective monograph]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ., 2021. pp. 176–194. (In Russian)
8. Nalchadzhyan A. A. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2004. 381 p. (In Russian)
9. *Narody Rossii. Zhivopisnyy albom* [Peoples of Russia. Picturesque album]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya polza Publ., 1880. Vol. 6. pp. 485–526. (In Russian)
10. *Narody Rossii. Etnograficheskiye ocherki. Izdaniye zhurnala "Priroda i lyudi"* [Peoples of Russia. Ethnographic essays. Publication of the journal "Nature and people"]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya polza Publ., 1878. 498 p. (In Russian)
11. *Narody Rossii. Etnograficheskiye ocherki. Izdaniye zhurnala "Priroda i lyudi"* [Peoples of Russia. Ethnographic essays. Publication of the journal "Nature and people"]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya polza Publ., 1880. 648 p. (In Russian)
12. *Obzor Tobolskoy gubernii za 1869 god. Vывody iz statisticheskikh tablits* [Overview of the Tobolsk Guberny for 1869. Conclusions from statistical tables]. [w/p]: [w/p], 1870. 62 p. (In Russian)
13. *Obzor Tobolskoy gubernii za 1870 god. Prilozheniye k Vsepoddanneyshemu otchotu nachalnika Tobol'skoy gubernii* [Overview of the Tobolsk Guberny for 1870. Appendix to the Report of the Head of the Tobolsk Guberny]. [w/p]: [w/p], 1871. 204 p. (In Russian)
14. Pavlovsky V. *Voguly* [The Voguls]. Kazan: Tip.-Lithography Imp. un-ta Publ., 1907. 220 p. (In Russian)
15. Slezkin Yu. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i malyye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
16. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya: Uchebnik* [Ethnopsychology: Textbook]. Moscow: Aspect Press Publ., 2014. 352 p. (In Russian)
17. Tursky D. *Ostyaki* [The Ostyaks]. Moscow: Tip. Tip. Obshch-va rasprostraneniya poleznykh knig Publ., 1898. 56 p. (In Russian)

18. Finsh O. *Puteshestviye v Zapadnyu Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brema* [Journey to Western Siberia by Dr. O. Finsch and A. Brem]. Moscow: Tip. M. N. Lavrova Publ., 1882. 573 p. (In Russian)
19. Bear L. Time as in Technique. *Annual Review of Anthropology*, 2016, no. 45, pp. 487–502. (In English)
20. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. 427 p. (In English)
21. Munn N. D. The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay. *Annual Review of Anthropology*, 1992, no. 21 (1), pp. 93–123. (In English)
22. Said Edward W. *Orientalism*. New York: Vintage books, 1978. XI. 368 p. (In English)
23. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010, no. 3, pp. 550–564. (In English)
24. Sumner W. *Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals*. Boston: Ginn and Co., 1906. 692 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершов Михаил Федорович, ведущий научный, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 «а») кандидат исторических наук, доцент.
mfershov@mail.ru
ORCID 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR

Ershov Mikhail Fedorovich, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
mfershov@mail.ru
ORCID 0000-0002-8518-4368